

18+

Николай Бредихин
Полковник Вселенной

Интеллектуальный детектив

Николай Бредихин

Полковник Вселенной.

Интеллектуальный детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40275553

ISBN 9785449000491

Аннотация

Место и время действия романа «Полковник Вселенной» писателя Николая Бредихина – Россия конца 80-х годов прошлого века, начало Перестройки. Жанр – интеллектуальный детектив. Русский историк Александр Дмитриевич Крупейников неожиданно для себя оказывается вовлечённым в смертельную, кровавую схватку за власть, собственность, будущее в некогда великой, но в мгновение ока поставленной на колени державе.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	26
Глава третья	33
Глава четвёртая	44
Глава пятая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Полковник Вселенной Интеллектуальный детектив

Николай Бредихин

*Иисус сказал: «Это небо исчезнет,
и кто над ним исчезнет, но кто умерли,
не будут жить, а те, кто живет, не умрут.
Евангелие от Фомы, 11*

Автор и дизайнер обложки Кирилл Бредихин

© Николай Бредихин, 2024

ISBN 978-5-4490-0049-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

«— Иисусе праведный, Агнец кроткий и добросердый, не устаю благодарить Тебя за то, что никогда в печалях, и заботах, и невзгодах моих не оставлял Ты меня Своим вниманием, остерегал от уловлений лукавого, спас от смерти тяжкой и неминуемой, продлив тем лета мои на земле. Яви же и ныне милость Свою и всесвятое Божье Свое благоволение: не вмени мне в вину, рабу Твоему грешному, несмышлёному, что немощью тела угрызен днесь и исчервлен дух мой, что впадаю всё чаще я в беспомощность и уныние, не устремляясь с прежними любовью, радостью и надеждой к испытаниям, посылаемым Тобой...»

Артемий с трудом приподнялся на постели, снял щепотью нагар со свечи. И вновь в колышущихся отсветах пламени увидел он совершенно отчётливо ту тень в углу.

«Должно, и вправду смерти поводырь за мною», — вздохнул он отрешённо, и как бы в ответ на его мысли тень шевельнулась и из темноты вдруг выступила фигура в чёрной рясе с остроконечным капюшоном — куколем.

— Ты Артемий, бывший игумен Троицкий? — спросил схимонах тихим, но отдававшимся гулко голосом.

— Да, это я.

— Следуй за мной!

Троицкий подумал было, что ноги не удержат его, но всё

тело его неожиданно налилось удивительной лёгкостью – он шёл, не чуя пола под собой.

«Укрепи меня в вере, Боже, рассея сомнения... – Губы ещё продолжали шептать исповедь-молитву, но раздумья уже перебивались недоумением: – Умер ли я или иду только к смерти? И почему монах, а не ангел со мной?»

Но монах шёл не оглядываясь, и, пройдя по двору, они вскоре очутились возле какого-то лаза, которого Артемий раньше здесь не замечал.

Ступеньки, спускавшиеся вниз, были крутые, выщербленные. Лёгкость исчезла, босые ноги искровянились. Артемий зябко поёжился: от каменных стен веяло холодом и сыростью.

Монах зажёл факел. Некоторое время они брели по колена в воде. Потом коридор начал суживаться и показалась впереди широкая, окованная железом дверь. Монах постучал три раза, дверь тотчас открылась.

Пошли кельи с узкими обрешеченными оконцами и массивными засовами со стороны коридора. «Монастырь, – догадался Артемий, – но что за монастырь?»

Откуда-то слышны уже были шум, громкие голоса. Довольно скоро Артемий и его проводник достигли большой залы. Густой смрад тотчас ударил в ноздри: повсюду видны были следы разнузданной, дикой оргии. Чёрные монашеские одеяния перемежались со скоморошескими колпаками и полубнажёнными женскими телами.

Видимо, трапезничанием и бражничанием все были пресыщены, за столом восседала лишь одинокая сторбленная фигура с надвинутым глубоко на лицо куколем.

Они приблизились, проводник грубо толкнул Артемия в спину, так что тот распростёрся на полу.

Фигура зашевелилась.

«Царь!» – внезапно сверкнула в мыслях Артемия догадка.

Иоанн – а это и в самом деле был он – с шутовской издёвкой откинул капюшон с головы.

– Что, отче, не ожидал, что доведётся нам с тобой свидеться?

Артемий поднялся, отёр кровь с разбитой губы тыльной стороной ладони. Помолчав, нехотя пробормотал:

– Нет, царю, не ожидал.

– Вот и я про то, – довольно усмехнулся Грозный. – Сказывают, ты здесь очень переменился: смирен стал, благорассуден, защищаешь от люторов веру нашу православную. Правда ли это? Хотел собственными глазами убедиться.

– Я никогда и не отступал ни в чём от закона христианского, – уклончиво ответил Артемий, пожав плечами.

Грозный притворно вздохнул, покачал головой.

– Опять гордыня. Почто же осудил тогда тебя священный Собор? Безвинно? И не клеветал ты на заповеди Божьи, не покрывал отступников-еретиков?

– Вера моя, государь, во всём прежняя. Как когда-то писал тебе, так и сейчас повторяю...

– Знаю, знаю, что скажешь, – Иоанн досадливо поморщился. – Кто по неведению впадёт в ошибку, тот не еретик; да еретиков и нет вовсе, есть просто души заблудшие, которые надо кротостью наставлять и молиться о них. Но до тебя уже вопрос решён этот Иосифом в «Просветителе»: не только ненавидеть «заблудших» сих подобает, но и проклинать – в заточение их посылать и казням лютым предавать. Да оно же и в Писании сказано: еретика или отступника оружием убить или молитвою едино есть.

– Завещано апостолом: подобает в вас и ересям быть. А учить, молить и запрещать следует Божьей, а не мучительской властью.

Иоанн побагровел, затрясся от гнева. Затем пересилил себя, улыбнулся приторно-вкрадчиво:

– Упрям, упрям ты, отче. А и в самом деле – как был, так и остался, узнаю своего духовника. Но зачем нам с тобой ссориться, я ведь за другим приехал. Хочу простить тебя. Той властью, что мне на земле дана, а на небе пусть Господь нас рассудит, на то Его воля. Можешь вернуться к себе за Волгу, беспокоить не стану. Ну а коли игуменствовать вновь надумаешь, обитель получишь. Как, аль не рад? – Он протянул руку для поцелуя.

Артемию ничего не оставалось как, опустившись на колени, со смиренным видом тронуть губами монаршию длань.

Грозный встал. Поднял, обнял старца, усадил рядом с собой. Долго смотрел на Троицкого испытующе.

– Но не только за этим я навелител тебе. Благословения твоего прошу. Иду на Псков. Ты, кажется, из тех мест родом? – Маска упала с лица царя, он распрямился и смотрел на отшатнувшегося в испуге Троицкого уже с неприкрытой насмешкой. – Что, аль не так?

Однако Артемий довольно быстро пришёл в себя, холодно пожал плечами.

– Всё так, государь, но ты ведь просил, и совсем недавно, благословения. Когда шёл на Новгород. Почему же ты думаешь, что я менее стойким окажусь в своих убеждениях, чем митрополит Филипп?

– Менее глупым! – вскричал Грозный уже в крайнем раздражении. – Вижу, быстро дошли до тебя подробности!

– Земля слухом полнится.

– Ну так должен и знать, как кончил Филипп!

Артемий кивнул.

– Что ж, я готов. Где Гришка-Малюта твой? Или другому кому поручишь казнить меня?

Иоанн долго молчал, затем заговорил – рассудительно, серьёзно:

– Да, ты прав: что жизнь, что богатство и слава мира сего? Суета и тень. Блажен, кто смертью приобретает душевное спасение. Есть ли большее счастье для того, кто праведен и добродетелен, чем умереть от своего владыки и наследовать тем венец мученика? – Он вздохнул и развёл руками, не сумев на сей раз, однако, удержать едва заметный блеск

в глазах. — Но должно быть верным слову, коли уж дал его. Оттого прощаю и гордыню твою, и дерзость, и бегство с Соловков. — Блеск прорвался в улыбку, царь обернулся к сгрудившимся вокруг него опричникам, внимательно наблюдавшим за ходом разговора. — И даже то, что посмел ты в одном исподнем явиться к своему государю! Посмотри на себя: ужель тебе не стыдно, старый пёс?

«Братия» с готовностью рассмеялась, но тут же посерьёзнела, увидев резко переменившееся выражение лица царя.

— Однако есть и другое: дошло до меня, что причастен ты к злочестию пименовскому — вероломному сговору новгородскому. — Голос Иоанна сорвался в гнев. — Берегись, коли так, отче, тут прощение моё не действует — измены ни в ком не потерплю! Подумай ещё раз хорошенько, не промахнись с ответом. Сказано: «Не мир я пришёл дать на землю, но меч и разделение». Не своей волей извергаю вон князя тьмы из новообретшихся Содомы и Гоморры — в том промысел Божий, как же ты осмеливаешься идти поперёк него?

— Стар я, — устало вздохнул Артемий, — чтобы изменами тешиться, в злокозниях изощряться. Что до промысла Божьего... «Благословляют добрых на доброе» — ответ тебе дан Филиппом, от себя только одно могу добавить: Богу — Богово, а кесарю — кесарево, Бог есть любовь, а не ненависть, Бог — свет, а твои деяния от семиглавого зверя и отца его — князя тьмы. Опомнись, царю, Сын Человеческий приходил для спасения кающихся, а не превозносящихся, и каждый

предстанет перед Его судом с тем, что содеял.

Иоанн скривился презрительной усмешкой, язвительно поднял брови, не в силах, однако, долее скрывать клокотавшую в нём ярость.

– Ты что же, угрожаешь мне возмездием Христовым на том свете?

Артемий промолчал, поняв, что переполнил чашу царёва терпения, однако Грозного уже было не остановить.

– Но зачем, скажи мне, Господу так долго ждать? Коли я столь перед Ним повинен, почему бы Ему здесь, сейчас и не покарать меня за то, что ты называешь «моими деяниями»?

Все умолкли в страхе, ожидая по меньшей мере грома небесного, однако ничего не произошло.

Иоанн выдержал паузу, чтобы насладиться произведённым впечатлением, затем продолжил:

– Что до слов твоих, то выходит по ним: Господь царствует только на небесах, в аду – дьявол, на земле же властвуют люди? Но то не Христово, истинное разделение, се ересь манихейская! Тебе ли не знать: везде, везде Господня держава, и в этой, и в будущей жизни. Возмездие, суд! Да разве ж станет сатана карать людей? Наоборот – он их губит соблазнами. Караю я, моей рукой карает Господь! Но я вижу, ты лукавишь, старец. Может, надеешься вновь обмануть меня своим сладкоречием? Если так, умерь усилия: перед тобой уже не тот бесхитростный отрок, который внимал когда-то,

аки агнец, каждому твоему слову и которому ты изуродовал душу. — Страдальческая гримаса несколько раз пробежала по лицу царя. — Много лет прошло, как поддался я твоим измышлениям, а свежа, свежа сия рана! Но настало время заживить её. Я давно ждал этого момента, так что приготовься, отче, наш спор будет долгим. И не окончен он будет до тех пор, пока кто-то из нас двоих, по разумению Божьему, не одержит в нём верх.

Он обернулся к своим приближённым и вдруг резко, пронзительно закричал. Несколько десятков голосов тут же подхватили его призыв: «Гойда!». Чьи-то руки вцепились в Артемия и стремительно поволокли его из залы. Снаружи, за стенами монастыря, томилось в нетерпении несметное царёво воинство, ночь наполнена была бранью, хохотом, конским ржанием, пламенем факелов. Троицкому подвели гнедого низкорослого жеребца, косившего в сторону насто-роженным, пугливым взглядом. Едва успев ступить ногой в стремя, Артемий внезапно очутился наверху, судорожно сжал поводья.

«Гойда!» — и сорвались с места, взбадривая лошадей плётками, разрывая тишину истошным ликованием, трясая при-тороченными к сёдлам собачьими головами и мётлами.

«Гойда! Грызть лиходеев, злочестие противу государя измышляющих, мести Московию!»

«Гойда! Грызть и мести, грызть и мести!»

Несколько раз Артемий, измученный бешеной скачкой,

был близок к беспамятству. Следили за ним зорко – мгновенно подхватывали, когда он начинал сползать вниз, встряхивали как мешок, однако силы в конце концов совсем оставили старца, и он вдруг провалился в беспросветную тьму...

Очнувшись, с изумлением увидел себя сидящим на троне, с шутовской короной на голове и державным посохом в руке. Везде, куда ни взгляни, стояли перед ним люди, празднично одетые, с просветлёнными лицами, молча и терпеливо чего-то ожидая.

Недоумение Артемия, впрочем, тотчас рассеялось, когда он заметил царя, скромно примостившегося в стороне. Грозный ухмыльнулся его догадке, встал, хлопнул в ладоши и торжественно провозгласил:

– Вы заклинали о милосердии? Вот вам судья, он вас рассудит! – и уселся обратно, всем видом показывая, что он здесь не более чем зритель.

– Нет! – Артемий рванулся с трона, однако стоявшие сзади опричники были начеку, удержали его. – Нет! Не делай этого! Бог тебе не простит!

Грозный усмехнулся, покачал головой.

– Но ты должен видеть всё своими глазами. Понимаешь? Что до Господа, то Его благословение я ведь уже получил.

«Гойда!» – и ворвались в толпу, рассекая, выворачивая её, срывая с женщин, стариков, детей одежду. Первый отсечённый клин тут же погнался к реке, стали загонять его в во-

ду. Пытавшихся спастись начали топить баграми, повскакав в лодки. Река вышла из берегов, превратившись в месиво из крови и человеческих тел.

«Гойда!» – и уж там и сям словно из-под земли выросли колья, и замерли на них, скорчившись, пытаясь продлить немногие оставшиеся мгновения, несколько дюжих мужчин.

В самой середине, прямо перед глазами Артемия вознёсся вдруг огромный крест и склонилось набок перекошенное страданием чьё-то удивительно знакомое лицо.

Иоанн с наслаждением наблюдал, как расширяются глаза Артемия, приговаривая тихо, то ли для себя, то ли для него: – Смотри, смотри, отче! Что ты говорил о кресте и его деянии? Ах, как глубоко в душу запали мне те твои слова!

Ноздри царя раздувались, подёргивались в возбуждении, улыбка неимоверной радости переполняла его лицо. Но происходящее, видимо, всё ж казалось ему недостаточным, и он в нетерпении махнул несколько раз рукой. Опричники тотчас задвигались быстрее, движения их, и без того заученные, стали совсем суматошными, кого-то обливали составом огненным и поджигали, кого-то привязывали головой, ногами к конским хвостам и раздирали затем надвое, натрое. Грудных младенцев отрывали от матерей и подбрасывали в воздух, отталкивали при том друг друга с хохотом, загадывая, состязаясь, на чьё копьё они упадут.

Каждый старался доказать чем-то царю своё усердие, и скоро у его ног уже выросла гора из отрезанных ушей, но-

сов, голов.

Доведённый до крайней степени возбуждения, Грозный не выдержал и, охваченный общим рвением, сам ворвался в толпу с мечом, в ослеплении нанося удары направо и налево.

Артемия трясло, лицо его было искажено невыносимой мукой, кровавое марево всё более застилало глаза, пока не сделалось крошечным и уж ничего за ним не стало видно. Плач, крики, мольбы в ушах Троицкого внезапно угасли, и в наступившей вдруг тишине раздался тихий страдальческий стон. Он проникал всё глубже в сознание Артемия, пока не объял его целиком...

...Он поднялся с пола, дрожа от холода, увидев себя распростёртым ниц перед божницей. Было тихо, покойно в доме князя Юрия, всё глубоко спало в сладких покрывах ночи.

– Сон кровавый, сон кровавый, – с болью и смятением шептал старец, немного оправившись, придя в себя. И на миг полегчало ему, повернулся он к лику на иконе, и губы его зашевелились, привычно складывая слова молитвы. Но уж вновь наваливалась на него непонятная, глухая тоска. И опять вдруг возник в его ушах тот стон.

Он не мог ошибиться, стон действительно был где-то рядом. «Артемий, Артемьюшка!» – неожиданно послышалось ему. Троицкий поднялся с колен и пошёл в направлении доносившихся звуков. В отсветах догорающей свечи он увидел то лицо, которое показалось ему столь знакомым, но теперь

он догадался, кто перед ним: то было лицо Матвея Башкина.

Тело Матвея в бессилии было распростёрто на полу, Артемий чуть было не споткнулся о него.

– Ты преступи это, преступи! – зашептал ему вдруг чей-то голос.

На руках и ногах Башкина кровоточили стигмы, на голове был надет скомороший колпак. Артемий с трудом приподнял тело Матвеево и, спотыкаясь, понёс его к своему ложу. Очутившись на постели, Матвей облегчённо вздохнул и открыл глаза.

– Здравствуй, Артемьюшка! – прошептал он разбитыми губами с радостной кротостью. – Видишь, дал Бог и повидал я тебя напоследок. Хотя уж и не надеялся на это.

– Но как же, Матюша, – растерянно проговорил Троицкий, – ведь сказывали, что запытали тебя до смерти в обители Волоцкой, а ты вроде жив?

– Так и ты давно сгинуть должен был на Соловках, – улыбнулся Матвей через силу и зачастил горячечно: – Я это, я! О чём ведь хотел поведать тебе: то не я тебя предал, хоть и довелось мне побывать на дыбе, то наветствовали на меня. Веришь? Прощаешь ли?

– Верю, – кивнул Артемий, – а прощать мне за что же тебя? Что до наветов мне? Но зачем, зачем ты хотел к царю через Симеона и Сильвестра приблизиться, я же предупреждал тебя!

Башкин вздохнул, на глазах его появились слезы.

– Но ведь мир, Артемьюшка, мир не праведен. Погряз во неистовости, во грехе. Человек идёт к Богу, а люди уловляют, отвращают его. Ты же в том советен со мной был: люди только и говорят, что о Боге, но совсем забыли Его. И кому же привести их к Господу истинному, как не царю и его священникам? Должно начало от кого-то быть, кто ж его покажет?

– Должно терпеть, – Артемий скорбно пожал плечами, – в том истина. Искупать вины безмолвием и смирением.

Матвей откинулся на подушку и посмотрел куда-то вдаль с отрешённым и непреклонным видом.

– Нет, нельзя всё терпеть. Христос – Он пример показал. Зачем же муки Его, зачем Святой Дух вочеловечился? Нам продолжить Его дело. Мир должно спасти, и спасти его можно. Господь послал нам лишь предостережение. Он справедлив, всё не только в Божьих, но и в наших руках. Все беды наши в том как раз и заключаются, что человек ушёл от Господа слишком далеко. Но человек – он вернётся к Богу. Мир спасётся, Артемьюшка! Вера его спасёт.

Он закрыл глаза, вновь уйдя в забытие.

– Сейчас, сейчас, погоди, Матюшенька, – засуетился Артемий, – сейчас я омою твои раны, ты ещё поживёшь, за грехи наши помолишься, столько зла вокруг, жестокости, а ведь людям надо как-то жить.

Но, вернувшись с водой, он в испуге отшатнулся от ложа. Вместо Башкина на постели лежал царь с вытянутой вперёд

бородой. Он открыл один глаз и глумливо подмигнул Артемию.

– Что, думал сбежать от меня и не дать насладиться победою? Я ведь выиграл в нашем споре, выиграл! Признаёшь?! – Грозный вскочил, выбил кувшин из рук Троицкого и схватил Артемия за грудки. – Помнишь, что ты говорил о страдании? Я ли был тебе не верный ученик? Нет других слов, которые столь поразили бы моё воображение! Да, здесь он – пробный камень для всего человечества. Христос страдал и нам повелел. Есть ли другой оселок, который способен так выправить душу? Нет! Надо упасть, чтобы возвыситься, только через муки адовы, незатихающие, к спасению и можно придти. – Он сморщился и запричитал дальше плаксиво. – Тебе лишь открою: никто не ведает, как сам я терзаюсь – вся кровь, все муки проходят через меня. Я измождён, переполнен до края страданиями – есть ли в мире страшной доля, чем моя? За что Господь выбрал меня, отметил в исполнители воли, кары Своей? Если бы ты знал, Артемьюшка, если бы ты знал, сколько молил я Его, чтобы Он позволил мне хоть остаток дней дожить другой, тихой, праведной жизнью! Ты не дал мне благословения, но ведь не зря же привёл меня к тебе Господь, окропи мои вины елеем своего благолепия, отпусти мне мои прегрешения, как ни перед кем, сейчас исповедовался я перед тобой.

– Зверь! – закричал вдруг Артемий в исступлении. – Звее-е-е-е-рь!

Царь ухмыльнулся глумливо, затем приблизил лицо своё к Артемию и расхохотался, бормоча быстро-быстро, загадочно:

— Молчи, отче, молчи! Рухомо твоё дело! Но и яз молчати готов...

Крупейников с трудом приподнял голову и взглянул на часы: половина четвёртого. Дочь немного покопошилась в кровати и заголосила сразу с высокой ноты. Жена вскочила, так толком и не проснувшись, машинально сменила пелёнки, простынки, а добравшись затем до постели, тут же вновь замерла. Крупейников подержал в руках крохотное тельце, ожидая, что придётся теперь, как обычно, долго Сашеньку укачивать, однако она на сей раз неожиданно мгновенно уснула.

Он положил её обратно в кроватку и долго стоял рядом, не в силах оторвать взгляд от сморщенного личика. Наверное, пора бы уже и успокоиться, не замирать всякий раз вот так в телячьем восторге (как же он потом будет Сашеньку воспитывать?), но мыслимо ли, чтобы первый ребенок появился у человека лишь на пятом десятке лет?

И снова вдруг всплыл перед Крупейниковым неотступно мучивший его в последнее время вопрос: а не расстался ли он с Зоей только потому, что у них не было детей?

Зоя! Память выхватила из глубины лицо его бывшей жены, но Александр Дмитриевич не ощутил по этому поводу

ни удовольствия, ни протеста. Зоя – жена... Марина считала его прошлую жизнь обокраденной, полагая, что освободила его. Ринулась, как в бой, в это освобождение, гордилась собою, называла себя в шутку Жанной д'Арк. Но Крупейников не видел здесь ни революции, ни избавления: всё естественно пришло к тому, что должно было быть. А оттого и не чувствовал он вины перед Зоей, не мог и не хотел видеть в ней человека чужого, а уж тем более – врага.

Пожалуй, это было главным, из-за чего у Александра Дмитриевича с новой его женой возникали разногласия. Марина из доброго, мягкого существа превращалась буквально в тигрицу. И тут шли в ход самые нелепые обвинения: «У тебя же гарем, хорошо ещё, что я в нём младшенькая, говорят, младшенькие там самые любимые! Посмотри на себя, ты бесхребетный человек, столько лет тобой помыкали, а ты до сих пор приползаешь по первому зову, на задних лапках стоишь, хвостом виляешь, ждёшь, чтобы тебе приказали: „Служи!“» Эти размолвки тревожили Александра Дмитриевича. Что было в основе них? Ревность? Конечно. Но если бы только она одна. Пожалуй, больше даже какое-то глубокое неприятие Мариной того мира, в котором он жил раньше, которым и до сих пор во многом живёт.

Крупейников всегда и во всём старался первым сделать шаг навстречу Марише, Машеньке, как он часто называл свою жену, но здесь замыкался и не шёл ни на какие уступки. Во власти человека только настоящее и будущее, про-

шное нельзя толковать. Всё, что было, – было, любая попытка помыкать своей памятью оборачивается уродством. Марина, например, утверждает, что Зоя подцепила его на крючок. Правда ли это? Наверное, да. Ну и что с того? Да, была не только любовь, а осознанный выбор. Зоя остановилась на нём, как в своё время и её мать выбрала себе мужа. Она знала, чего хотела, и с этой точки зрения он ей вполне подходил: упрямый парень из глубинки, у которого на уме только история.

Нет, уснуть сегодня, конечно, уже не удастся. Хотя недосыпания в последнее время совершенно измучили Александра Дмитриевича.

Почему вдруг нахлынули на него воспоминания о бывшей жене? Какое-то сожаление или, наоборот, неудовлетворённость годами, прожитыми с ней? Нет, он давно всё передумал на эту тему и ко всем выводам уже пришёл. С того самого дня, когда они познакомились, его не покидало ощущение чуда, потому что всё с того момента совершалось как по волшебству. И тесть, и тёща безоговорочно одобрили выбор дочери, двери их дома не просто открылись, а распахнулись для Крупейникова. Сколько он себя помнил в этой семье, у него всегда были идеальные условия для работы, даже отдельный кабинет. Они поженились ещё на третьем курсе института, в котором учились вместе, но никогда никаких проблем в материальном отношении у него не возникало, в этой семье всё было общее: деньги, связи, цели.

«Да в тебя капитал вложили, а потом обирали как липку! – кричала ему Марина. – Нельзя же быть таким идиотом! Зоя твоя в жизни никогда не работала!»

Да, не работала, и не только жена, но и тёща тоже. Так было заведено в их семье. И он всегда расценивал это как подвиг со стороны Зои, всегда чувствовал угрызения совести по поводу того, что она пожертвовала собой ради него – с грехом пополам окончив институт, тут же положила диплом под подушку...

Крупейников с опаской покосился на Машеньку. Первое время, когда он вот так, ночью, вспоминал, анализировал свою прежнюю жизнь, Марина всегда просыпалась и начинала плакать, безошибочно угадывая: «Ты думаешь о ней!». И он принимался разубеждать Машеньку, лгать: «Ну что ты, как я могу о ней думать, просто на работе неприятности» – и начинал ей что-то рассказывать по работе, и она тут же засыпала вновь, убаюканная даже не словами, а скорее их тоном...

А ведь он сам виноват: конечно, зачем ему было Машеньке о прошлой своей жизни так подробно рассказывать? Ещё одна из прежних роскошных привычек – с кем же ещё своими мыслями, переживаниями поделиться, как не с собственной женой?

Крупейников окончательно отказался от намерения заснуть. Да, собственно, спать ему сейчас и не хотелось, просто нужно было иметь ясную голову, для чего не мешало ещё

хотя бы часика два подремать.

Он пробрался на кухню, разложил папки на краешке стола, который давно здесь облюбовал, и тотчас же всплыло в нём неприятное впечатление от разбудившего его сна. Книга закончена, почему же он вновь мысленно возвращается к её образам? Значит, осталось что-то непродуманным, непрописанным? Где-то схалтурил, чем-то пожертвовал, чтобы уложиться в срок? «Нет, нет, хватит, нужно прогнать эти мысли, иначе я никогда от этой темы не оторвусь!»

– Нескладуха, Анохин. – Шпынков в задумчивости побарабанил пальцами по столу, затем сокрушённо вздохнул. – Опять нет логики в твоих утверждениях. Ладно, давай сначала. Тот же вопрос, но теперь по-другому его представлю: вот был ты штатским и вдруг стал полковником... Тебе самому это не кажется странным? Можешь конкретно, вразумительно объяснить, как всё произошло?

Анатолий с готовностью кивнул.

– Да, конечно. Только не бейте меня больше. Здесь ведь нет никаких секретов, просто я действительно, наверное, несколько сумбурно излагаю. Начнём с того, что по некоторым вопросам у меня были свои, не во всём совпадающие с общепринятыми мнения...

Шпынков досадливо поморщился, снова вздохнул и покачал головой.

– Опять не то. Что ты мне про «несовпадения», «мне-

ния» свои, знаю я о них более чем достаточно. Тут в деле на тебя объективка имеется, могу даже кое-что зачитать, хоть и не положено. «Анохин Анатолий Сергеевич, 1943 года рождения, учитель математики. С несколькими своими друзьями (всего по делу проходило шесть человек) поставил целью „разобраться в том, что вокруг происходит“. Вопросами интересовались самыми разными, от политики до искусства, собрали большой текстовой и цифровой материал. В октябре 1979 года были выявлены и квалифицированы как „группа“. Пропагандой своих идей не занимались, для каких дальнейших целей предназначалась собранная информация, к сожалению до конца выяснить так и не удалось. В процессе следствия двое (Коровин и Пашков) антигосударственную направленность своих действий полностью осознали, детально обрисовав роль каждого в группе, трое (Вагин, Зверев, Попкин) были осуждены, находятся сейчас в Мордовии. Анохин после соответствующей экспертизы был помещён в психиатрическую больницу». Ну и так далее, не буду воду в ступе толочь. Но вот передо мной выписки из твоих историй болезни, Анохин, в них поначалу ни о вселенных, ни о полковниках нет и речи, только о том, что тебе иногда кажется, будто вокруг говорят неправду, каких-то людей преследуют. Ну? Так что же потом произошло?

– Ах это! – Анатолий пожал плечами. – Ну много ли можно требовать от бедного сумасшедшего?

– Ты такой же сумасшедший, как и я.

– Знаете, звучит весьма двусмысленно, – не удержавшись, хихикнул Анохин.

Однако долго смеяться ему не пришлось. Сильный удар опрокинул его навзничь. Стукнувшись головой о что-то твёрдое, он потерял сознание.

Глава вторая

– Что? Опять?! – Пальчиков откинулся на спинку кресла вне себя от возмущения. – Ува-жа-е-мый Александр Дмитриевич! Вы что же со мной делаете? Я ведь вас три дня назад спрашивал: рукопись готова? Зачем же было так уверять меня, что всё готово? Дело-то не в месяце, а в том, что я весь механизм запустил на полную катушку! Вам ли объяснять, что теперь не от меня одного всё зависит, тут даже машинистка – и то винтик, без которого невозможно обойтись. Да и можно ли вам верить на счёт месяца? Сколько вы в прошлый раз меня мурыжили? Тоже забрали книгу перед самыми гранками. Мне-то всё равно, я выкручусь, но ведь кончится тем, что выход оттянется как минимум на полгода, – вы этого хотите?

– Нет, конечно. – Крупейников тяжело вздохнул. – Вы совершенно правы, Евгений Григорьевич, я и в самом деле в последнее время проявляю некоторую необязательность. Но поверьте, я и не думал вас три дня назад обманывать, рукопись действительно готова, но... Ей-богу, потом все сроки наверстаю, по ночам буду работать, но больше не подведу.

– Да что мне ваши навёрстывания! – Пальчиков буквально рассвирепел. – Александр Дмитриевич, батенька! Какие сроки? Все сроки прошли! Вы мне лучше скажите – с чем я... – он резко развернул в сторону Крупейникова перекид-

ной календарь, – сейчас, да-да, именно сейчас к заведующему редакцией пойду? Что я ему покажу? Фитюльку-заявку вашу столетней давности?

– Нет, рукопись здесь, я же сказал... – Крупейников достал трясущимися руками из портфеля две папки и положил их перед собой. – Но...

Редактор напрягся, недоверчиво посмотрел на Александра Дмитриевича, затем осторожно перетянул к себе через стол верхнюю папку. Открыл, полистал немного.

– Ну вот, давно бы так. А то «месяц», надо же! – пробурчал он наконец себе под нос удовлетворённо. – Ясен пень, опять вклейки, вставки, от руки исправления, однако... все замечания учтены, изменения сделаны. Претензий нет к вам. – Он повеселел, широко улыбнулся Крупейникову: – Знаю я вашего брата автора: пока всю кровь не выпьете нашу, редакторскую, ни за что не успокоитесь. – Затем он бодро поднялся с кресла и сунул под мышку папки. – Ладно, теперь пора и на ковёр к начальству.

– Мне подождать вас? – не поднимая головы, тихо спросил Александр Дмитриевич.

Пальчиков недоумённо скривил полные, выпяченные губы.

– Да зачем? Позвоните к концу недели, но нужно ли? Вопрос практически уже решён. Хотя... Время сейчас такое – всего можно ожидать. Но я вас разыщу в случае чего.

Однако Крупейников не смог заставить себя уйти. Два ча-

са он сиротливо просидел перед дверью кабинета, и, к счастью, не зря, как выяснилось. То ли на Пальчикова так подействовала некоторая доза алкоголя, принятого во время обеденного перерыва, то ли вообще прежде он возмущался лишь для видимости, разыгрывал представление, но, растроганный хмурым, побитым видом Александра Дмитриевича, наконец сжалился:

— Ладно, добро начальство дало полное, сроки тоже теперь позволяют. Так что Бог с вами, пользуйтесь моей добротой: забирайте ваши папки. В крайнем случае сошлюсь на обстоятельства: дочь, мол, у вас родилась и так далее. Но только две недели, больше никак не получится. Да и то... — тут он выдержал многозначительную паузу, — ...при условии, что сначала вы сдадите рецензию, которую обещали Шитову. Ну-ну, не смотрите на меня так удивленно, в отпуск человек уходит, просил подключиться — это ведь я ему вас, на свою шею, порекомендовал. Где рецензия, Александр Дмитриевич? Что, тоже месяц сроку? Там ведь от силы на два дня работы. Так я могу надеяться? Вы не подведёте меня?

«Евгений Григорьевич, Евгений Григорьевич!» Нет, никакой Евгений Григорьевич здесь ни при чём. Никто не заставляет его так спину гнуть! Не на кого ему обижаться, кроме как на самого себя. Почему он не сдал рукопись? Зачем ему лишние две недели? Что за это время может измениться?

И всё-таки... Пожалуй, тут дело было не только в паническом страхе, который всегда охватывал Крупейникова в решающий момент, когда нужно было положить окончательный вариант рукописи редактору на стол: Александра Дмитриевича не оставляло впечатление, что на сей раз завыска не в мелочах, каких-нибудь деталях. Им упущено что-то действительно важное. Однако возможно ли это прояснить за оставшиеся полмесяца?

И всё-таки нужно быть пообязательнее и соблюдать эти проклятые сроки. Не на таком уж он здесь особом положении, чтобы оставлять какие-то зацепки, за которые его можно при желании раскрутить. Ну и, конечно, к Шитову в редакцию художественной прозы надо было, хоть и торопился, забежать, извиниться. Ох, проклятая дипломатия!

– Ну что, вспомнил наконец?

– Вспомнил. Но не понимаю, кому и зачем нужны такие подробности?

– Будем считать, что это не твоего, и даже не моего ума дело. Просто необходимо кое-что выяснить, вот мы и пытаемся докопаться. Но один момент ты правильно уловил: суть именно в мелочах, подробности – как раз единственное, что может сейчас вывести нас на новый след.

Анатолий сглотнул кровь, потрогал языком, целы ли зубы.

– Я же вас просил больше не бить меня.

– Ты сам виноват, – пожал Шпынков плечами. – Дума-

ешь, мне большая охота кулаками перед твоим носом махать? Ведь я же не требую от тебя чего-то невозможного, Анохин. Вопрос – ответ, куда уж проще? Однако доскональный, правдивый ответ, понял меня? Ну так продолжим? Для начала вспомним, на чём мы с тобой остановились.

– На том, как я первый раз оказался в психиатричке.

– Нет. Здесь мы всё уже прояснили. Давай чуть дальше продвинемся. Я спросил тебя, что было потом...

Анатолий задумался.

– Что было потом... Да в общем-то ничего особенного. Я надеялся, что от меня быстро отстанут после тех моих «признаний», однако в действительности получилось совсем наоборот: приходилось подолгу нудно растолковывать, в чём я вижу неправду, каких именно людей преследуют, за что. Тут мне и подвернулась идея: я полковник, полковник Вселенной, и ничего не надо больше объяснять. Можно быть самим собой, говорить что угодно, достаточно только в конце или середине разговора неожиданно отойти в сторону, взять под козырёк и минут пять бормотать себе под нос какую-нибудь чепуху. А затем с невинным видом преподнести своему собеседнику: так, мол, и так, извините, я полковник Вселенной, и, ничего не поделаешь, меня периодически вызывают на связь.

– И что, тебя никогда не спрашивали, какие именно задания ты получаешь, как их выполняешь?

– Да, поначалу здесь были трудности, но потом я решил

эту проблему: у меня одно-единственное на всю жизнь задание – подробно рассказывать о том, что со мной произошло в течение дня.

– Хорошо, а теперь повнимательнее, мы наконец к главному подошли: кто-нибудь подсказал тебе мысль стать «полковником» или ты сам до неё додумался? Только не врать! – Шпынков стукнул кулаком по столу.

Анохин помялся, затем опустил голову.

– Да, был один человек.

– Ну, я говорил! А ты ещё отрицал, что завербован, – подскочил на стуле от радости Шпынков. – Ты и сам не знал, в какой омут тебя втянули, так тонко всё было проделано: вроде как шутка, а на самом деле подцепили на крючок. Я по глазам вижу, что ты честный человек, Анохин, что ты стал жертвой обмана. Так, теперь ставлю вопрос ещё конкретнее: кто был тот человек, где и когда он тебя завербовал?

– Я его смутно помню: полноватый, высокий, нос немного вздёрнут. Когда меня поместили первый раз в Институт имени Сербского – знаете, наверное, такое место, – мы с ним разговаривались как-то и, когда речь зашла о «промыывании мозгов», которые мне ежедневно устраивали врачи, он рассмеялся и сказал, что можно вот так сделать и тогда все отстанут.

– Прошу поподробнее! Это очень важный момент. Он тебе предложил это сделать? Он вербовал тебя?

– Нет, пожалуй, даже не советовал, просто сказал: есть такой вариант, и всё.

– Внимательнее, внимательнее, Анохин! Ты прекрасно понимаешь, что вербовка была. Мы, слава богу, уже разобрались в этом, ну так и говори конкретнее: да, мне предложили, я подумал и согласился. Вербовка была, чёрт побери!

– Пусть будет по-вашему. Да, мне предложили, я согласился.

– Вот так-то лучше. – Шпынков удовлетворённо откинулся на спинку стула. – Теперь подпиши. Здесь и здесь. – Он вздохнул, потянулся, затем устало проговорил: – Ладно, на сегодня заканчиваем, но ещё два вопроса. Первый: тебе сразу предложили звание полковника или ты, что называется, торговался?

– Да, сразу. И я сразу согласился.

– И тебя не удивило, что звание такое высокое? Ведь по военному билету ты, если не ошибаюсь, рядовой?

– Нет, не удивило.

– Ты был настолько уверен, что справишься со своими обязанностями?

– Да, безусловно.

– Хорошо, тогда второй вопрос. – Шпынков достал из стола фотографию и показал её Анатолию. – Это тот человек?

– Нет, ничего похожего.

Глава третья

Собственно, как получилось? У него были свои планы, но в издательстве попросили: нужно было что-то из истории, однако популярное, актуальное, на злобу дня. Конечно же, Иван Грозный – фигура как нельзя более подходящая.

Работа для Крупейникова была совершенно неинтересная: столько белых пятен в русской старинушке, а тут гулять по исхоженным тропам. Однако отказ означал бы угрозу испортить отношения с издательством, Александр Дмитриевич слишком хорошо это понимал.

Грозный так Грозный. Крупейников потихоньку начал обычную игру с редактором, отвоёвывая позиции, ожидая, что Пальчиков осадит его, когда он слишком уж зарвётся. Однако тот на сей раз оказался удивительно уступчивым.

Наверное, Крупейников и сам поддался обаянию столь внезапно обрушившихся перемен, вылез из окопчика: ну как же, свобода, пока другие вокруг страшатся да подрёмывают, пиши, говори что хочешь!

А может, он просто увлёкся? Обнаружил в этом исхоженном что-то, чего раньше не замечал? Ему ничего не надо было откапывать, всё давно уже лежало на поверхности, детали, фрагменты были тщательно выписаны, оставалось только их соединить.

Впрочем, действовал он по привычке с крайней осмот-

рительностью: нигде вроде бы не переборщил, лишь начал разрушать сложившийся стереотип, вписывая тщательно в портрет норовистого царя-государя великое множество его предтеч и современников, представляя историю того периода не столько как описание придворных интриг и ратных баталий, а скорее, как жесточайшую духовную схватку, кульминацию борьбы идей.

Первое препятствие, которое встретилось тогда на пути зарождавшегося самодержавия, – всевластие церковников. Ясно было, что Церковь должна отойти на второй план, но как её к тому вынудить? Два предшественника Грозного решили этот вопрос послаблением, дав волю мысли. Расцвело пышным цветом вольнодумство, затронув буквально каждого, но и само духовенство разделилось вскоре на два лагеря. Главным, как ни странно, встал вопрос о мирских богатствах: иметь или не иметь их Церкви, «стяжать или не стяжать». А богатства эти не поддавались никакому исчислению.

И вот приходит человек, которому выпал жребий раздать всем сестрам по серьгам, расставить точки над «і»: нужно уложить на века по кирпичику, остальное – сор – безжалостно вымести. Он исполнен злобы против сизмальства унижавших его бояр, считавших его в лучшем случае первым среди равных. Да и в отношениях с Церковью он твёрдо намерен провести в жизнь принципы Филофеевы:

царь получает свою власть непосредственно от Бога, он уподобляется Богу и, подобно Царю Небесному, проникает во все помыслы человека;

кроме царя, некому унять людские треволнения;

власть царя выше власти духовной, которая в сношениях с государем не должна забывать своё место.

– Вы действительно уверены в том, что говорите?

Должно быть, общение с душевнобольными не всегда проходит бесследно для тех, кто их лечит: Анохин ещё в первую беседу с главврачом обратил внимание, что Горохова порой вполне можно было бы спутать с кем-нибудь из его пациентов, – во всяком случае, эксцентричности в нём было хоть отбавляй.

– Вы подумайте, что вы рассказываете! Это же самый настоящий бред – делириум! Послушать вас, так у нас в подвале какой-то средневековый каземат! Быть может, вам это померещилось? Я уже более десяти лет в нашем санатории, а ничего подобного не слыхал, а вы здесь всего неделю и вдруг такое откопали! Но мы, конечно, проверим. Напишите заявление, изложите в нём подробно, что с вами произошло. – Он помолчал, затем вновь внимательно посмотрел на Анохина. – Так вы настаиваете на своих утверждениях?

– Нет, – поспешно замотал головой Анатолий, – но мне хотелось бы отсюда куда-нибудь перевестись.

– Ах вот как! – Горохов взглянул на Анохина недоумева-

юще, как-то сбоку, по-птичьи. Затем сделал вид, что разобиделся. – Я вас не понимаю! У нас здесь идеальные условия. Вы улавливаете разницу: тут не сумасшедший дом, не психиатрическая лечебница, а санаторий – са-на-то-рий для душевнобольных. Ни одного буйного, ни разу на моей памяти не понадобилось вмешательство санитаров, лес кругом, грибы, ягоды. Цветной телевизор. Почти никаких лекарств. А кормят как! Куда же вы хотите перевестись?

– Куда угодно! Я согласен на любой вариант.

– Боюсь, что это вряд ли возможно, – пожал главврач плечами, – но напишите всё-таки заявление. Я обещаю, что сам лично им займусь.

Анохин потёр лицо руками, затем взглянул на главврача просительно.

– Скажите откровенно, доктор, шансов никаких?

Тот побарабанил пальцами по столу и проговорил уклончиво:

– Боюсь, что вы здесь не случайно. Характер вашей болезни как раз в том русле, на котором мы специализируемся. Так что вам повезло. Вы понимаете меня?

– Да, конечно. – Анохин кивнул.

– Можешь убираться к своей старухе! – Марина была близка к истерике. – Я же вижу! Ты стал относиться ко мне гораздо холоднее и мыслями уходишь от меня всё дальше! Иди, иди к ней, я тебя не держу! Обойдёмся с Сашенькой

и без тебя!

Крупейников в растерянности смотрел на жену. Что случилось? Чем объяснить такой нервный срыв? Ей ведь нельзя сейчас волноваться.

– Подожди, Мариночка, объясни толком.

– А тут нечего объяснять. Звонила твоя ненаглядная, интересовалась, где ты есть. Вот ты мне и объясни, с какой это стати? Ты же мне клялся и божился, что не поддерживаешь с ней никаких отношений.

Ах, Господи, ну что за бестактность! Неужели надо было Зое сюда ему звонить? Что за срочность такая? Неужели не могла там, на той квартире его поймать?

Машенька, словно прочитав его мысли, вперила в Крупейникова взгляд своих незабудочных, обычно кротких глаз.

– Я знаю, что ты с ней встречаешься, – проговорила она зло, – и до сих пор с ней спишь – это точно. Наверняка она и звонила тебе по поводу свидания. Ты должен прекратить с ней всякое общение. Я не хочу быть у тебя в служанках! Я тебя просто прошу, Саша... – Она вдруг беспомощно расплакалась. – Что ты со мной делаешь!

Он обнял её, и она прильнула к его груди, вся загоревшись внутри, лишь только он ладонью провёл по её волосам.

– Я такая злая, противная, ты уж прости, Саша, – пробормотала она в раскаянии, – понимаешь, они тут поют мне с утра до вечера, настраивают. Я обычно сдерживаюсь, а тут вот сорвалась. Я так люблю тебя и так боюсь тебя потерять! –

Она била его кулачком в грудь, видно для того, чтобы он глубже понял её признание.

И зажглись два тела огнём, ровным, праздничным. И, словно почувствовав что-то, как всегда не вовремя закричала Сашенька.

– Подожди, подожди... Пускай, пускай... – шептала Марина. А потом, счастливая, гордая, выскользнула змейкой и помчалась к детской коляске, стоявшей на балконе, на ходу вдевая руки в халатик.

Крупейников долго ещё лежал в растерянности, вдыхая аромат её тела, продолжая ощущать каждой клеточкой своей её прикосновения.

Любовь? Что такое любовь? И кто это придумал, что любовь должна быть одна-единственная и на всю жизнь? И кто задолбил нам в голову, что, снова влюбившись, прежнюю любовь нужно предать? И почему, если любовь прошла, нужно считать её неполноценной, недостаточной, недолюбовью, ошибкой её считать?

И всё-таки... Даже потом, в метро, взбудораженные мысли, увязавшись за Крупейниковым назойливым роем, не покидали его.

«Не понимаю, не понимаю тебя», – робко сетовал его рассудок.

И всё-таки... Неужели ревность Марины имеет под собой хоть какие-то основания? И этот непонятный поступок Зои, совсем на неё не похожий? Она ведь поначалу совершенно спокойно восприняла факт женитьбы Александра Дмитриевича, как нечто само собой разумеющееся, даже его выбору удивилась не больше других. Во всяком случае, никаких недоразумений на сей счет у них никогда не возникало, да и не могло возникнуть.

Крупейникову вдруг захотелось вспомнить что-то неприятное из их отношений с бывшей женой... Умом он понимал тогда, по какой причине Зоя стала гулять от него, но сердцем не мог с этим примириться. Наверное, как-то по-другому можно было бы решить проблему, берут же люди, к примеру, на воспитание чужих детей. Но она не верила, что причина в ней, и даже сейчас, когда, казалось бы, всё очевидно, поверить не способна.

Умом он понимал... Но когда узнал (а всегда найдутся «доброжелатели»), уже не смог относиться к Зое по-прежнему, хотя единственное, что изменилось, – прекратились их интимные отношения. Он тогда с головой ушёл в кандидатскую диссертацию и, может быть, долго ещё терпел бы. Но она не просто упорствовала в своих заблуждениях, а расстревала рану, тормозила и тормозила его. Пока наконец в порыве крайности не выгнала его из дому...

Нет, это уж слишком, не стоит так беречь душу. Всё и так достаточно свежо в памяти: мотания по частным квар-

тирам – унижения бездомного пса, пьяницы-соседи. Постоянные попытки примирения, слёзы раскаяния. Но он был непоколебим, хотя прав ли? Всё в ту пору висело на волоске: его защита, московская прописка, пока наконец не подоспела очередь на кооперативную квартиру. Столько лет ушло, чтобы исправить положение, зачем же сейчас ворошить прошлое?

Наверное, между ними осталось всё-таки больше, чем просто дружба. Тесть и тёща встречали Александра Дмитриевича с неизменной приветливостью, и он не чурался бывать у них, у Зои всегда были ключи от его квартиры. Они и сейчас у неё. Но подозревать его в чём-то сверх того...

Хотя и этого Марине более чем достаточно. Во всяком случае, ему, Крупейникову, непонятно стало бы, если бы было наоборот. Почему все люди должны быть одинаковыми? Всегда, при всех условиях и невозможностях человек должен жить по-человечески – в единении со своей душой.

Уж коли день с утра пошёл наперекосяк, то его не выразишь. Вот и сейчас, вспомнив, что ему надо позвонить, и спустившись вниз, на первый этаж «Исторички», Александр Дмитриевич увидел очередь у телефона. Такое здесь редко бывало, да и что бы ему не позвонить хотя бы от метро?

Лишь минут через двадцать он услышал наконец в трубке голос Шитова.

– Юрий Николаевич? Это Крупейников. Вы меня разыскивали?

– Да, я звонил. Как там с рецензией, Александр Дмитриевич? Пальчиков передал вам, что я в отпуск ухожу?

– Конечно, конечно, Юрий Николаевич. Но... – Крупейников замялся, мысленно на чём свет стоит кляня свою интеллигентскую мягкотелость. – Мне крайне неудобно перед вами... Однако поверьте: ей-богу, я сделал всё, что мог. Да, собственно, и уговор у нас был, как вы помните, только попробовать, не получится, так не получится. Ну, а как могло получиться: тут не моя стезя совершенно... Нужен какой-то другой человек, специалист. Уж не знаю кто – психиатр, что ли? Это вам виднее.

Шитов помолчал огорошенно, затем медленно, вкрадчиво заговорил, стараясь сдержать охватившую его ярость:

– Я всё понимаю, Александр Дмитриевич. Однако видите, как получилось: и вы, и я замотались, а теперь уж... полное отсутствие времени – цейтнот, так сказать. Пожалейте меня: путёвка на руках, билеты на самолёт куплены. – Он посопел в трубку. – А коли не хотите пожалеть, то хотя бы выручите, я вам тоже не раз ещё пригожусь. Да и что там отзыв какой-то? Стиль, слог, что ли, надо оттачивать? Это ведь для внутреннего пользования, день работы, ну максимум два.

Крупейников вздохнул.

– Дело не в дне и не в двух, Юрий Николаевич. Я ведь так и этак, не единожды пытался. Вот психиатр тут точно, без

промаха.

Шитов начал заводиться.

– Господи, Александр Дмитриевич, да какой же психиатр? Он такое наплетёт, год будешь в одних терминах разбираться и ни хрена не поймёшь. Да и где я вам найду психиатра-то? У нас не больница. И зачем? Если бы нам диагнозы были нужны, а то просто мнение. Но достаточно веское. Мне-ни-е! Я, такой-то, вот так, и именно так, считаю. И всё!

Крупейников молчал. «Ну, уговоры кончились, сейчас начнётся выворачивание рук», – подумал он тоскливо.

Однако ничего подобного не произошло. Шитова вдруг осенило, и он сразу же сбавил голос на полтона ниже:

– Впрочем, да что мы с вами... Конечно, вы правы, Александр Дмитриевич. Может быть, я действительно требую от вас невозможного. А зачем? Какие сложности? У меня ведь рецензентов-то под рукой как собак нерезаных, тут же, в кабинете, не сходя с места, диссертацию целую настрочат. Кому не хочется заработать? Одному вам! Всё! Решено, никакой рецензии! – Он помолчал, затем вздохнул умоляюще. – Но справочку-то, совсем маленькую, крохотную, вы можете для меня соорудить?

– Батенька, помилуйте, да какая справочка? – Крупейников осмелел, почувствовав, что вот-вот вывернется. – Если бы там хоть на полкопейки было что-то историческое. При чём тут я вообще?

– Э, нет! – Здесь, хоть и вперемешку с весельем, уже по-

слышался металл. Ловушка захлопнулась. – Тут уже неуважение, Александр Дмитриевич, я никак иначе не могу расценить. Во-первых, отчего же не история – целый период, отныне в Бозе почивший? А во-вторых – скромничаете, да ещё как скромничаете, Александр Дмитриевич. Я же помню ваши статьи о брежневских «психушках». Хотя вы потом к этой теме не возвращались, но стоите, так сказать, у истоков её открытия, да и материалы ваши до сих пор сохранили свою актуальность. Так что вам и карты в руки, кому же ещё? Просто замечаньице, пометочка. Комментарий, если хотите! Это вам ничего не будет стоить, а уж мне-то как будет хорошо!

Крупейников понял, что ему не остается ничего другого, как только уступить. Да, отказаться и в самом деле удобнее было по телефону, вот только не здесь, когда за твоей спиной не просто нетерпеливая очередь, а ещё и приходится словно раздеваться на глазах у людей, которые прекрасно разбираются в том, что ты говоришь. Он с досадой вернулся за свой стол в научном зале и пододвинул к себе папки со ставшим вдруг камнем преткновения на его пути «плодом творческих мук» неизвестного автора. «Грязная работёнка, но никак не отвертеться. Ладно, день всё равно пропал, хоть с этим, по крайней мере, разделаюсь, а завтра уж за своё „творение“ примусь».

Глава четвёртая

– Ну, наверное, это можно было бы сделать как-нибудь по-другому.

– А как? Как по-другому, Саша? В библиотеке тебя не застанешь, на квартире я тебе трижды записку оставляла с одной только просьбой: позвони. Ты позвонил? Дома у нас ты практически год не появлялся. Не пойми меня превратно, просто я хотела узнать, как ты, всё ли у тебя в порядке, только и всего. Или уж и этого нельзя теперь? Так и скажи, я не буду больше беспокоиться.

– Да нет, зачем же, я очень рад, что ты меня не забыла. Но... Тебе трудно понять, здесь на подобные вещи реагируют совсем по-другому.

– Ну и что? Ты-то сам, надеюсь, не переменялся?

– Нет. Но всё-таки я хочу попросить тебя...

– Ясно. Забыть этот номер телефона? Единственная просьба?

Крупейников вздохнул с облегчением.

– Да, но ты, пожалуйста, не обижайся. Как у тебя, без изменений?

– Есть кое-что, но не по телефону об этом говорить. Так отчего ты ушёл в такое глухое подполье? Книга?

– Не только...

– А, понимаю... Дочь?

Крупейников замялся, ему не хотелось распространяться, что тут тоже не телефонный разговор: сразу возникло бы предложение о встрече. Не то чтобы он не хотел сейчас видеть Зою – наоборот, она была очень нужна ему, больше просто не с кем было посоветоваться... Но не сейчас, чуть позже, что-то он сам предварительно должен себе объяснить.

– Знаешь, всё сразу как-то навалилось... Без привычки тяжело. Столько лет жил спокойно, размеренно, а тут одни заботы. Ты и представить себе не можешь, сколько времени тратится на всякую чепуху. Но, думаю, всё наладится, утрясётся.

– Вряд ли, – хмыкнула Зоя. – Впрочем, не буду вмешиваться в твою личную жизнь. Главное я выяснила: ты жив, здоров, чего и мне желаю.

– Безусловно.

– Тебе привет от моих. Отец, кстати, совершенно не удивляется, в отличие от нас с мамой.

– Спасибо. Не ругай меня. Я тебя очень часто вспоминаю.

– Заметила. Икается постоянно.

– Я серьёзно. Есть кое-что, в чём мне без тебя не разобратся.

– Ну конечно. Я ведь твой единственный друг. Кстати, ты об этом не задумывался? Куда они все, остальные-то, подевались?

Неприятная мысль. Женщины не могут без шпилек. И всё-таки где они, друзья? Или, может, жизнь такая пошла,

что каждый сам за себя? Или он слишком углубился в своё средневековье?

– Я никуда не пойду. Ещё раз вам завлечь меня в свой подвал не удастся.

– Глупо сопротивляться, Анохин. – Шпынков поморщился. – Ты не смотри, что я вроде такой же, как ты, – в халате и пижаме. Стоит мне только свистнуть, и тебя в тот подвал на руках отнесут. Своим упрямством ты просто вынудишь нас пойти на крайние меры. Я уже показывал тебе в прошлый раз кое-какие инструменты, которыми мы в таких случаях пользуемся. Знаешь, с чего я начну? С обыкновенной иглолочки. Ты даже не представляешь себе, что с человеком начинается, если загнать ему такую вот иглолочку под ноготь. Ну а чем я закончу, ты и сам, наверное, догадался: что человеку может доставить самое большое наслаждение, в том таится для него и самая страшная боль. Ну да ладно, мы ещё встретимся, никуда ты от меня не денешься. А пока стой здесь, мне нужно о тебе переговорить.

Анохин подождал немного, а когда хотел было уйти, его тронули сзади за плечо.

– Здравствуйте, Анатолий Сергеевич! – приветливо улыбнулся худощавый, подтянутый, с тонкими усиками человек. – Рад с вами познакомиться. Фамилия моя Дюгонин, но предлагаю без официальностей, так что зовите меня Игорем Валентиновичем. – Он с минуту смотрел на Анохина

как бы изучающе, затем неожиданно расхохотался. – Да расслабьтесь вы! Не идёт вам такая постная физиономия. Никто вас не будет больше бить. Пока, во всяком случае. С вами теперь будут общаться интеллигентные люди, которые всегда могут вас понять и... оценить. Это ведь так приятно, не правда ли, Анатолий Сергеевич? – Он ещё раз с иронией посмотрел на Анохина и снова довольно хохотнул: – Как говорится, мелочь, а приятно! А?

Игорь Валентинович несколько не был обескуражен от малчиванием Анохина; казалось, доброжелательности и искромётности его не было предела.

– Я вот тут два лукошка прихватил, предлагаю пройтись за грибочками, заодно и поболтаем немного. – Он взял Анохина под руку и увлёк за собою: – Да не стойте вы столбом! Пойдёмте, пойдёмте, Анатолий Сергеевич, я понимаю, вы совершенно ошеломлены такой неожиданной переменой, но стоит ли заикливаться на том, что с вами произошло? Так, нелепый сон, не больше... Однако тем прекраснее пробуждение, поверьте мне. Отвлекитесь, отвлекитесь, хватит вам дуться, присмотритесь вокруг повнимательнее, ужель это не счастливая перемена к лучшему в вашей судьбе? Со всем ведь не то, что было прежде. Как у нас здесь расчудесно! Видите? Никаких заборов, колючих проволок. Всё, всё для человека! Человек просто обязан в таких условиях собраться, привести нервы в порядок, отдохнуть. – Он помолчал и добавил многозначительно: – И выздороветь в крат-

чайшие сроки.

Анатолий метнул на Дюгонина быстрый взгляд, уловив в его словах намёк на то, что Игорю Валентиновичу уже известно о его разговоре с главврачом.

– Да, да, – усмехнулся Дюгонин, подтверждая его мысли, – вы ведь во многих местах уже побывали, почему же не можете оценить преимущества здешнего райского уголка? Почему вам так хочется его покинуть?

«Он не так прост, как на первый взгляд кажется». – Анатолий понял, что проиграл начало в этом психологическом поединке, и ему ничего не остаётся, как снова промолчать.

Дюгонин вздохнул.

– Не хотите говорить? Дело ваше. Однако умно ли это?

– Мне не о чем говорить. Я уже всё рассказал, что знал.

– Вы так считаете? Ну, до всего ещё далеко, Анатолий Сергеевич, ох как далеко! – Дюгонин сокрушённо покачал головой, пощёлкал языком. – Очень, очень много неясного...

– Нельзя ли поконкретнее? – оборвал своего собеседника Анохин, намереваясь взорвать его, вывести из себя, пробиться сквозь фальшиво-накладное его доброхотство.

Но с Игорем Валентиновичем такое не проходило, он был сама лучезарность. Впрочем, тут же посерьёзnel, поделовел.

– Ну давайте хоть присядем, что ли, а то всё равно без толку наш поход, подберезовичков пять уже пропустили.

Он расположился на краю небольшой полянки, пристро-

ил рядом оба лукошка, ни одно из которых Анохин так и не взял, снял пижамную куртку, обнажив мускулистый, без дутой накаченности торс. Затем потянулся и с наслаждением упал на спину в траву.

«Облака плывут, облака. В милый край плывут...»
Помните такую песню? – чуть насмешливо спросил он, покусывая травинку.

– Да, Александр Галич. Конечно, помню, – рассеяно кивнул Анохин.

– Ну а коли помните, так давайте работать. Я несказанно рад вашей благонастроенности. Ведь без вашей помощи тут никак не разобраться. Вы по-прежнему утверждаете, что всё нам поведали?

– Разумеется.

– И чего бы вы пожелали в таком случае за свою искренность?

– Вы прекрасно знаете чего – освобождения. В чём меня вообще можно обвинить? Что я не такой, как все?

Дюгонин покачал головой, ехидно улыбнулся.

– Ну, знаете ли, Анатолий Сергеевич, этого, кстати, более чем достаточно для обвинения. Но, к счастью, в нас нет ничего даже отдалённо зверского. Ваше устремление вполне реально, что может быть проще? Однако вот беда... Всё даже не в наших, а в ваших же руках: осталось лишь кое-что уточнить... Но тут всё рассыпается из-за вашего непонятного упрямства. Я несколько раз перечитал записи ваших... э-

э... бесед с моим коллегой, там постоянно встречаются несутразности, недоговоренности, даже противоречия.

– В чём именно?

– Да сколько угодно! Сколько угодно! – Дюгонин, как бы входя в азарт, резко вскочил, сделал несколько шагов сначала в одну, затем в другую сторону. – Вы поймите меня правильно, Анатолий Сергеевич, я действительно могу и хочу дать такое заключение, какое вы подразумеваете: что вы искренни, что вы, безусловно, раскаялись и даже что, по существу, произошло недоразумение, во всяком случае что вы не представляете для нас никакого интереса. Такое возможно, да, несомненно. Однако, – тут он присел на корточки и подобострастно заглянул в глаза Анохину, – нам надо как-то вместе всё пологичнее объяснить. Я ведь не только под Богом, а ещё и под начальством хожу. Не поймут!

– Чего не поймут?

– Да как же! Как же поймут! – Дюгонин взвился. – Я же вам говорил: тут на каждом шагу непонятное! Не-по-нят-ное. Вот, к примеру, возьмём хотя бы одно прелюбопытнейшее обстоятельство. Пустячок, однако... Вы не подумайте, что я придираюсь к вам, вы сами меня так выставляете. Вы утверждаете, что вы полковник?

– Допустим. И что же дальше?

– Но коли дальше... значит, у вас есть начальники и есть подчинённые. Не так ли? Так получается! Мне нужны конкретные имена.

Анатолий вздрогнул, ему всё сложнее становилось обороняться. Затем вздохнул с непритворным отчаянием.

– Не представляю, я уже столько раз говорил об этом. О каких именах идёт речь? Вы, должно быть, что-то путаете? У меня нет начальства и нет никого в подчинении.

– Такого не бывает... – Дюгонин покачал головой. – Не бывает. Подумайте сами, Анатолий Сергеевич, возможно ли найти вообще на всём белом свете хоть кого-то, кому бы не приказывали и кто бы, в свою очередь, чью-то волю не исполнял? Ещё Джон Донн – вы, конечно, помните – сказал, что человек не может быть как остров, сам по себе. И уж во всяком случае островов-полковников мне лично встречать не доводилось.

– Но вы же прекрасно знаете, что моё звание – не более как шутка.

Дюгонин встрепенулся:

– Вы отказываетесь от своих прежних показаний, я вас правильно понял?

Анатолий вздрогнул при воспоминании о Шпынкове и, помолчав с минуту, устало вздохнул.

– Хорошо, считайте, что вы меня убедили. Пусть будет по-вашему. Однако как же мне удовлетворить ваше любопытство? Кто мной командует? Это ведь очень непросто объяснить. Особенность нашего контингента как раз и заключена в непривычной для вашего понимания самостоятельности. Я не знаю заранее, какой человек выполнит мою волю,

волю какого человека я сам стану исполнять. Я знаю одно: что не подвластен ни сам себе, ни каким-либо людям, облечённым властью, что-то заложено в моём мозгу, что руководит всеми моими мыслями и поступками. То есть я вовсе не опасный, а скорее несчастный человек.

– Ну что ж, по крайней мере искренний ответ, – кивнул Дюгонин. – Кто-нибудь другой на моём месте, Анатолий Сергеевич, давно уже начал бы топтать ногами и кричать на вас. Как видите, я не таков. И в самом деле, как можно требовать от вас разъяснить то, что вы ещё сами не осознали? Давайте так: я попытаюсь облегчить вам задачу, спрошу теперь по-другому. Забудем на время о том человеке, который побудил вас стать «полковником». Однако постарайтесь вспомнить: какими идеями, мыслями вы потом в своей деятельности руководствовались? Пусть вам не покажется праздным мой интерес, и не беда, если даже мы начнём здесь с каких-нибудь мертвецов: писателей, философов, – рано или поздно, но по цепочке мы неизбежно доберёмся до живых людей. И тогда в этой цепочке всё выстроится по порядку, найдутся там и те люди, которые вам отдавали приказы, и те, которым приказывали вы. Однако бога ради, Анатолий Сергеевич, не подумайте, что я хочу сделать вас предателем, доносчиком, речь у нас с вами с самого начала идёт исключительно о вашей перевербовке.

– Перевербовке? – вскинул брови Анохин. – Как это?

Игорь Валентинович снова заулыбался, включив на пол-

ную мощность своё обаяние.

– Всё очень просто, проще некуда: до этого вы работали против нас, отныне будете работать на нас. Здесь нет ничего удивительного, такое часто бывает. Я даже имею полномочия сообщить вам, что мы согласны оставить вам прежнее звание. Да-да, вы останетесь полковником, со всеми вытекающими отсюда правами и привилегиями. Вот видите, как много я для вас выторговал? О подобных условиях можно только мечтать. Я знаю, что вы согласны, по глазам вижу, да и невозможно при таких условиях не согласиться. Вы знаете, кстати, в каком я звании? Всего лишь майор! Так что вы сразу меня обгоните! Ничего не поделаешь, так уж у нас, русских, повелось: блудный сын всегда предпочтительнее праведного. С формальностями мы можем тут же покончить, но если вам нужно время подумать – извольте! – Он наклонился к Анохину. – Только не говорите мне сразу «нет». Как вы понимаете, для вас это единственная возможность остаться в живых.

– Ну, речь здесь, как вы и говорили, Юрий Николаевич, идёт о знаменитых брежневских психушках, специалистом по которым вы меня столь незаслуженно считаете. Да, помню, было у меня несколько небольших статейчек: использовал материал, который собирал когда-то к книге, но уж знатоком в этой области меня никак не назовёшь.

– А как вы вообще этой темой заинтересовались?

– Я и не интересовался, собственно. Просто увлёкся как-то историей русского юродства, а там незаметно дошёл и до наших дней. Мы ведь о лагерях да захоронениях кое-что уже знаем, но есть ещё они – невидимые миру слезы. И если те мои статьи до сих пор у вас в памяти, то вы обратили внимание, наверное: ни патологии, ни политики – мной в них исследовалась лишь одна, всего лишь одна линия: «блаженненькие», как их когда-то в народе называли. Считалось, что они оттого таковы, что вобрали в себя боль мира, что они ближе к Богу, а оттого и не могут найти себе место среди «нормальных» людей.

Шитов кивнул.

– Да, вы правы, конечно. Я сейчас как раз Карамзина перечитываю, помните тот эпизод, когда Грозный, прежде чем учинить после Новгорода погром в Пскове, пришёл к Николе Салосу с поклоном, а тот бросил к его ногам кусок сырого мяса? Царь взбеленился: «Что ты, я сырого мяса не ем. Да и Пост сейчас Великий!» «Так отчего же ты вновь хочешь учинить людоедство?» – был ему ответ. И Грозный смолчал, от Пскова отступился. Вот ведь люди были, даже цари на них руку поднять не осмеливались.

Крупейников покачал головой.

– Эх, не верьте вы всему, что написано, дорогой Юрий Николаевич. Тот случай, что Карамзин приводит, никакими авторитетными источниками не подтверждён. Слухи, легенды, основанные большей частью на «трудах» иностранных

авторов – несть им в истории нашей русской числа. Равно, как и мифам о том, что «цари руку не поднимали». Поднимали, голубчик, ещё как поднимали. И во времена Ивана Грозного арестовывали «юродов» сих и уничтожали, и до него, и после. Правда, делали это втихомолку, осуждения народного побаивались, но кара за невоздержанность на язык всегда была у нас неминуемая.

– Ну а как же Василий Блаженный? Что вы о нём скажете?

Крупейников рассмеялся в последней попытке прогнать непонятное напряжение, владевшее им.

– Так, батенька, тут уж вы совсем попались. Василий-то Блаженный, да будет вам известно, как раз и знаменит был тем, что ходил по Москве голый (то есть одетый по минимуму – в рубище) и многословием особо не отличался (характерный для юродивых обет молчания), больше объяснялся жестами, глоссолалиями, я уж не говорю о том, что умер он ещё до создания Грозным опричнины. Даже об Иване Большом колпаке нельзя утверждать достоверно, что он и в самом деле Годунова изобличал.

– Что ж, поймали вы меня, Александр Дмитриевич, – раздосадованно пожал плечами Шитов, – сдаюсь, никак не ожидал, что окажусь таким профаном. Но где же ваша книга? Она бы меня вмиг просветила.

– Книга? Так ведь я вам привожу факты, в достаточной степени исследованные и до меня, вот только почему-то принято считать, что после Соловьёва да Ключевского русская

история как наука вымерла. А она с тех пор далеко ушла. Так что книгу хоть завтра, Юрий Николаевич, и не одну, а сколько изволите. Но кто же возьмётся их издать? Уж не вы ли? А посему давайте-ка лучше вернёмся к роману, мы и так слишком далеко в сторону от него отвлеклись. Конечно же, тут чистейшей воды фантастика: неверна, в частности, сама постановка вопроса. Герой здесь одновременно подвергается двойному насилию: не только со стороны врачей, но и со стороны «больных». То есть чисто искусственно переносится схема тюрьмы – зверства уголовников над политическими. Чепуха, одним словом: слышал звон, да не знает, где он. В том-то и ужас как раз, что в действительности всё было гораздо обычнее, гораздо страшнее: электрошок, укол. Вроде как Федот, да уже не тот. А «не тот Федот» уже ни о чём не расскажет, опять же – вроде как есть человек, а и нет его. Вот и попробуйте что-нибудь доказать, собрать какой-то материал. Есть, конечно, кое-что проскальзывает, но на что тут надеяться? На то, что какой-нибудь палач из той же Сычёвки или откуда ещё в этом роде мемуары покаянные напишет? Так ведь опять вся история будет лишь с его слов. То есть, как вы уже поняли, тема эта весьма обширная и в двух словах её не пересказать, так что судите сами, в сколь трудное положение вы меня поставили. Но вы же меня из него и вывели, предложив спасительный вариант. Вот отчего я не стал касаться конкретно текста: в нём, должно быть, какие-то аллегории, аллюзии, это явно не по моей части. И вот

вам итог моих долгих размышлений, просто справка, пометка – комментарий, о котором вы меня и просили: где, когда, какого рода «больные» помещались, какие методы «лечения» к ним применялись, каков был обычный «исход». Без персоналий, исключительно общий обзор. – Он замолчал, выжидающе глядя на Шитова, затем пробормотал: – Я, впрочем, могу и более детально, совсем уж по полочкам, разобрать...

– Да не надо, не надо, – протестующе замахал рукой Шитов, пробегая глазами рукопись, – я и так уже вижу. Изложено всё логично, чётко, как раз так, как требуется. То, что называется, «не в бровь, а в глаз». Дальше уже моя работа. – Он наконец поднял голову и с неимоверным облегчением вздохнул. – Вы даже и представить себе не можете, Александр Дмитриевич, какой камень сняли с моей души. Столько развелось их сейчас, этих графоманов, лезут во все щели, как тараканы, – хищные, настырные. Ну, обычного автора отошлешь: вы на верном пути, работайте – так он через год-два – раньше не придёт, а эти за неделю могут целую эпопею отгрохать. Всё, собаки, описывают: как он встал, что за завтраком ел, какие мысли его при том посещали. Да ещё некоторые наострились на диктофон набалтывать. Пока машинистка ему один роман отпечатывает, он, глядишь, уже другой, новый натрепал. Ну да ладно, заговорился я, спасибо большое, я теперь ваш должник.

Глава пятая

– Башкин отделяет Сына от Отца, – грозно сверкнул глазами Макарий, – равенства Их не признаёт. Говорит: если я Сына прогнеблю, так Бог Отец при втором пришествии освободит меня от мук, а если Отца прогнеблю, так Сын меня не избавит.

Артемий чуть заметно повёл плечами, спокойно выдержав испытующий взгляд митрополита.

– Матвей ребячье делает и сам не знает, что выдумывает. А в Писании того нет, не писано и в ересях. Знание его шатко, незрело, но почто же не мог отец Симеон его в вере укрепить? Ведь сомнения его не от ереси идут, а от неведения.

Макарий свирепо раздул ноздри.

– Матвей еретик, иначе бы не сидеть ему здесь сейчас перед нами. Вина его достаточно ясна, и нет никаких сомнений в том, что он заслуживает самой мучительной казни.

– Меня вызвали еретиков судить. Судить, а не предавать их казни. Да здесь и еретиков нет, и в спор никто не говорит.

Макарий рассмеялся скрипуче и огляделся, как бы призывая весь Собор священный в свидетели:

– Как же не еретик Матвей, коли он молитву написал одному Богу Отцу, а Сына отставил?

– Нечего и выдумывать было: ведь есть молитва, написана, Манассии к Вседержителю.

– То было до Рождества Христова, а кто теперь так напишет, тот еретик!

– Но Манассиева молитва в нефимоне в большом написана. И говорят её.

Макарий не вытерпел, ударил кулаком по столу и злобно выругался.

– Если ты виноват, то кайся! – уже закричал он.

– Не в чем мне каяться, – всё так же выдержанно ответил Артемий, – я так не мудрствую, как на меня сказывали, всё это на меня лгали: я верую в Отца и Сына и Святого Духа, в Троицу Единосущную!

– Зачем же ты убежал тогда самовольно? – Митрополит ехидно улыбнулся и глубокомысленно замолчал, как бы вновь призывая в свидетели Собор.

– От наветующих меня убежал! – пожал плечами Артемий. – До меня дошёл слух, будто говорят про меня, что я не истинствую в христианском законе; я хотел уклониться от молвы людской и безмолвствовать.

– Кто же эти наветующие на тебя? И отчего ты не бил челом государю и нам, не свёл с себя навета, а бежал из Москвы безвестно? Вот это тебе и вина. Что же ты молчишь?

Крупейников вдруг ощутил в себе то радостное возбуждение, которое всегда охватывало его, когда он бывал переполнен, когда единственным стремлением его становилось разрешиться от бремени мыслей, распиравших, разрывавших

его изнутри. Он никак не ожидал, что всё так просто, думал, что придётся долго перекраивать текст, переписывать, а предстояло лишь одно место чуть-чуть расширить, углубить. Не смещая основного акцента, но показав, с какого момента началось омертвление. Стало меньше пищи уму, и усыхать, иссыхать стала понемногу Мысль. Всякая Смута начинается в душе, но началась она не когда было дозволено сомнение, а с принятием решения положить сомнению этому конец. Собор 1553—54 годов...

«В лето 7062, в царство Православного и Христолюбивого и Боговенчанного Царя и Государя и Великого Князя Ивана Васильевича, всея Руси Самодержца, бысть повелением его Собор в Царствующем граде Москве...»

После Стоглава, собора 1551 года, Церковь рвалась взять реванш за поражение, нанесённое ей молодым царем, Грозному же, наоборот, хотелось не только закрепить достигнутые успехи, но и продолжить подчинение церковников свирепой, кровавой своей власти.

«...На безбожного еретика и отступника православной веры, Матвея Башкина и на иных, тая же мудрствующих...»

«Отступник Матюша» был как нельзя более подходящим предлогом для этой давно ожидаемой обеими сторонами

«сшибки».

«Любовь, яже по Бозе, безумна мя творит»: любовь, в той мере, в которой она заповедана нам Христом, обрекает нас на страдание, безумие в сей, земной нашей жизни – в какой степени можно отнести к Матвею эти горестные строки Артемия Троицкого, перефразирующие апостола Павла? Что именно: юродство, тщеславие, недомыслие – заставило его попроситься на исповедь к священнику Благовещенского собора Симеону? «Пришёл на меня сын духовной необычен и многие вопросы мне простирает, все ж недоуменны, многих вещей спрашивает во Апостоле толкования, и сам толкует, толкует, только не по существу, развратно», – поспешил тот доложить приближенному царя священнику Сильвестру, на что получил недвусмысленный ответ-совет: «Не знаю, каков тот сын у тебя будет, а слава о нём носится недобрая».

Действительно, надо было быть либо святым, либо сумасшедшим, во всяком случае точно не от мира сего, чтобы припожаловать с такой кротостью и радостью прямёхонько к волку в пасть. Конечно, попы тут же донесли о «сыне необычном» Ивану Грозному, ну а дальше – стоит ли объяснять?

Но почему именно Матвей? Ведь были фигуры покрупнее: Максим Грек, Вассиан Патрикеев. В конце концов, наирадикальнейший среди русских ересиархов Феодосий Косой. Чем именно Матвей вызвал такое отторжение, если даже потом, многие десятилетия после его смерти, тща-

тельно вымарывались, где только возможно, малейшие упоминания, всякая память о нём? Исчез бесследно ящик №222 из царского архива, где хранились документы процесса над Башкиным, сгинули и другие, связанные с ним грамоты, акты. А ведь, углубляясь в то немногое, что осталось о нём, всё больше сомневаешься в его еретичестве.

– Почему вы обманули нас? «Не узнали» того человека, который вас завербовал?

– Я и сейчас, наверное, вынужден буду вас разочаровать. У меня нет сомнений: лицо с фотографии даже отдалённо не напоминает того, о ком вы говорите.

– Да, но, к сожалению, это совершенно не стыкуется с теми сведениями, которые мы имеем. Одно из двух: либо вы осознанно вводите нас в заблуждение, Анатолий Сергеевич, либо где-то в другом месте этой цепочки получается сбой. Подумайте хорошенько, это принципиальный вопрос. Мы ведь пойдём даже на то, что представим вам фотографии всех тех, кто с вами в то время находился в Институте Сербского, и тогда у вас не останется выбора.

– Я готов ко всему. Но мне нечего добавить к тому, что я уже вам сказал.

– Хорошо, ну а как насчёт того предложения? У вас было время подумать. Итак, вы с нами?

– Я не могу пока ответить определённо. Слишком много вопросов, в сути которых я пока не в состоянии разобраться.

– Ну, если дело только за этим, я готов ответить на любой ваш вопрос.

– Это очень кстати, не премину воспользоваться вашей любезностью. Для начала скажите: я здесь и в самом деле неслучайно?

– Разумеется. Но вы сами себя сюда завлекли. Просто вы надеялись, прикинувшись сумасшедшим, избавиться от власти общества, но попали в результате как раз строго по назначению.

– Еще один вопрос: вы сами считаете меня сумасшедшим?

– Смотря по тому, что подразумевать под этим словом. Психически вы совершенно здоровы, с социальной точки зрения – аномалия, то есть имеете все основания считаться свихнувшимся. В чём ваша опасность? Вы и такие, как вы, мешаете человечеству продвигаться вперёд. Вы слишком поражены червём сомнения, на вас давит груз прошлого, вас невозможно увлечь тем, что всегда было для человечества мечтой: новое, идеальное, справедливое общество и новый, совершенный человек. Нужна духовная селекция, в результате которой такие люди, как вы, вымерли бы. Но гнилое, мерзкое в человеке, к сожалению, слишком живуче. Оттого мы до сих пор пока не можем с вами и вам подобными справиться. Естественный отбор тут не поможет, нужна целенаправленность, сила.

– Сила не аргумент для таких, как я.

– Сила всегда аргумент. Человек – червяк, ничего не стоит

уничтожить его физически. Но в одном вы правы: идеи куда более живучи, чем личность, которая их произвела, и оттого они неизмеримо опаснее. И тут как раз важность силы чрезвычайно велика. У нас здесь у каждого свои задачи. Моя задача одна из самых сложных: уничтожать память о человеке, его духовные следы. Есть у нас люди, которые занимаются и куда более важными, сложными вещами: уничтожают мысли, идеи – когда в готовом виде, когда в зародыше. Ну а то, что не удаётся уничтожить, можно дискредитировать, сдерживать или нейтрализовать на неопределённый срок. Это интересная работа, ручаюсь вам: она могла бы занять собою весь ваш интеллект.

– Если я вас правильно понял, в этом «санатории» вообще нет сумасшедших?

– Ну что вы, сколько угодно! Единственная особенность в том, что здесь люди не столько сумасшедшие, сколько помешанные, причём не просто помешанные, а свихнувшиеся на политике. Это и позволило одному человеку, работавшему здесь когда-то главврачом, создать совершенно уникальную модель. Начал он с того, что стал коллекционировать всякого рода Бисмарков и Наполеонов, затем принялся их между собою стравливать, дальше – больше, и поехало-пошло. Когда мы обнаружили сей феномен, первым нашим поползновением было прикрыть эту лавочку, но потом мы поняли, какие возможности она нам может подарить, и всё оставили как есть. Главврача того мы заменили, но он

остался в штате и опыты свои продолжает. Конечно, для высшего начальства это обыкновенная спецпсихушка: трудно сказать, как там, наверху, поступили бы, узнав, чем мы на самом деле здесь занимаемся. Во всяком случае, мы не стали рисковать и раскрывать им свои карты. Так что, пока живём, слава Богу. И уж каких только метаморфоз, переворотов мы здесь не насмотрелись! Беда только – некуда опыт этот применить. Но, думаю, когда-нибудь он обязательно понадобится. Главное, впрочем, мы уже выяснили: нет даже особого смысла вникать, чем они там себе забавляются, власть прочно находится в наших руках. Ведь по большому счету у власти всегда находится Мысль, а Мысль здесь не просто наша – она нами надёжно контролируется и охраняется. А значит, можно при желании пойти на любые попустительства, ничто нам не угрожает, мы ещё долго рассчитываем жить и процветать. И вот появляется вы, Анатолий Сергеевич, – бомбочка, которой здесь ещё не бывало. Вы представляете собой другую Мысль, которую вполне можно нашей противопоставить и даже – не исключено – нашу Мысль ею сокрушить. Что же нам делать, подумайте? Нам нужно вашу Мысль обуздать, приспособить, сделать из неё хороший кнут. Какой ещё может быть выход? Ну а дальше – и того проще: кто не с нами, тот против нас, враг Нового человека и Нового общества должен быть либо обращён, либо уничтожен. И бесполезно пытаться от нас где-нибудь укрыться, возможности наши безграничны. Кстати, того человека, фотографию которого

мы вам показывали, давно уже нет в живых. Иначе бы я им не занимался. Как я вам уже говорил, моя область – исключительно стирание памяти о человеке, но ни в коем случае не преследование или уничтожение его. Это обстоятельство делает ещё более бессмысленным ваше запирательство.

– Это был не он, я точно знаю.

– Жаль, очень жаль. – Дюгонин замолчал, потом продолжил задумчиво: – Напомню ещё раз: если это ошибка, то вся огромнейшая машина бросится на её проверку и исправление. Но если вы осознанно вводите нас в заблуждение, вся эта машина навалится потом на вас. Я не угрожаю вам, Анатолий Сергеевич, но вы должны чётко отдавать себе отчёт в том, на что вы идёте. Точнее, на что себя обрекаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.